

эксплоатируютъ имя и значеніе своего патрона. Такъ, не говоря уже о продажѣ различныхъ амулетовъ и писанныхъ заклинаній¹⁾, самыя нечистоты Далай-ламы, приготовленныя въ видѣ небольшихъ шариковъ, продаются на вѣсь золота богомольцамъ²⁾. Послѣдніе хранятъ, какъ величайшую святыню, подобную драгоцѣнности, и глотаютъ ее при тяжелыхъ болѣзняхъ, чтобы получить исцѣленіе, или въ часъ смерти для отпущенія грѣховъ.

Вообще жизнь Далай-ламы крайне незавидная: за каждымъ его шагомъ слѣдятъ приближенные ламы, Номунъ-ханъ и китайскіе резиденты; нѣтъ возможности увернуться отъ подобной опеки, тѣмъ болѣе юношѣ безхарактерному и неразвитому, каковымъ, благодаря своему воспитанію, вѣроятно и бываетъ каждый Далай-лама. Если же случайно появится на Далай-ламскомъ престолѣ человекъ талантливый и энергичный, то онъ неминуемо будетъ изведенъ своими приближенными.

Трупъ умершаго Далай-ламы хоронятъ на дворѣ Буддалы, въ сидячемъ положеніи; надъ нимъ выстраиваютъ часовню съ позолоченною крышею. Каждая изъ такихъ часовень имѣетъ сажени двѣ или три вышины, и только часовня пятого по счету Далай-ламы значительно поднимается надъ прочими. Подобнымъ же образомъ хоронятъ и Банчинъ-Ирембучи; но могилъ этого послѣдняго въ Буддалѣ только пять.

О населеніи
Тибета.

Относительно населенія Тибета тѣ же монголы, конечно, не могли имѣть точныхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе, въ виду полной гадательности цифръ, которыми опредѣляютъ число жителей этой страны различные географы, полагавшіе сначала, согласно свидѣтельству монаха *Orazio de la Penna*, 33 милліона, а затѣмъ спустившіе эту цифру на пять, или даже на четыре милліона—не лишнимъ будетъ привести тѣ данныя, которыя получены нами отъ нашихъ переводчиковъ. По ихъ

¹⁾ Между прочимъ, имѣются писанныя заклинанія противъ дѣйствія ружейныхъ пуль. Одинъ изъ нашихъ проводниковъ обладалъ подобнымъ сокровищемъ и хотя совершенно вѣрилъ въ его чудодѣйствіе, но не хотѣлъ сдѣлать на себѣ лично опытъ, какъ то не разъ шутя предлагали монголу наши казаки. Наконецъ рѣшено было испытать волшебный талисманъ на одномъ изъ купленныхъ барановъ. Долго рылся монголъ въ своей ладонкѣ, при этомъ что то шепталъ и наконецъ вытащилъ грязный исписанный листъ бумаги, который повѣшенъ былъ на грудь несчастнаго барана. Самъ монголъ всталъ поодаль, выжидая со страхомъ и любопытствомъ, что будетъ. Раздался выстрѣлъ и баранъ, конечно, былъ убитъ на повалъ, волшебная же бумага, оказалась прострѣленною пулею. Доказательство нелѣпости, кажется, было ясно. Но монголъ этимъ не разувѣрилъ и простодушно объяснилъ намъ, что, вѣроятно, сама бумага была фальшивая, безъ подписи Далай-ламы.

²⁾ Говорятъ, что подобнымъ же образомъ цѣнятся нечистоты и Банчинъ-Ирембучи.